

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-62-83

**О.Д. Минаева, Г.В. Денисова,
О.В. Смирнова, И.Н. Денисова**

**ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ
В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

O.D. Minaeva, G.V. Denisova, O.V. Smirnova, I.N. Denisova

**THE PECULIARITIES OF SOVIET JOURNALISTS' WORK
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: A HISTORICAL
AND CHRONOLOGICAL ANALYSIS**

Аннотация. История советской журналистики периода Великой Отечественной войны достаточно хорошо изучена. В исследованиях по истории журналистики принято анализировать, как именно военные события освещались в СМИ, какую картину войны создавали журналисты. Однако практически не рассматривался опыт работы советских военных корреспондентов в период войны. В данной статье предлагается другой подход к анализу накопленного исторического материала, а именно: в центре внимания — эмоционально-психологическое состояние журналиста на войне, особенности его работы и быта. Проанализирован обширный материал, позволивший выстроить соответствующую структуру исследования. Эмпирической базой исследования стали как дневниковые записи

Минаева Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Minaeva Olga Dmitrievna, Doctor in Philology, Head, Department of History and Legal Regulation of Domestic Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

ominaeva@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-2465-6002

Денисова Галина Валерьевна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры семиотики и общей теории искусства и заместитель декана по научной работе и развитию факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова

Denisova Galina Valeryevna, Doctor in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Department of Semiotics and General Theory of Art, Deputy Dean for Research and Development, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

g.v.denissova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7719-8380

периода войны, так и воспоминания советских журналистов, написанные в послевоенный период. Выявлен круг проблем, с которыми сталкивались военкоры Великой Отечественной войны: это как профессиональные проблемы отбора информации для публикаций, специфические методы сбора материала, так и этические проблемы журналистов, их эмоциональные перегрузки. Наиболее информативной с точки зрения данного исследования стала книга воспоминаний главного редактора центральной военной газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенберга. Ее автор большое внимание уделил условиям работы, впечатлениям, трудностям, которые возникали у журналистов при отборе тем для публикаций и осмыслении тех событий, с которыми они сталкивались. В определенной степени картина собственной работы в условиях войны отражена в публикациях военкоров, однако в период военных действий о многих фактах написать было нельзя в силу цензурных или идеологических запретов. В данном исследовании затронута и тема «правдивости» — правды о войне, как ее понимали журналисты, участники и очевидцы событий. Исследование представляется актуальным для анализа работы современных российских военкоров, несмотря на все исторические различия. Оно позволяет выделить круг профессиональных, этических, психологических проблем журналиста, который выполняет свои профессиональные обязанности в военных условиях или в условиях конфликта.

Ключевые слова: военный корреспондент, советский журналист, Великая Отечественная война, история журналистики, историко-хронологический анализ, этико-психологические проблемы военкора.

Abstract. The history of Soviet journalism during the Great Patriotic War has been fairly well researched. Studies on the history of journalism typically ana-

Смирнова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой цифровой журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Smirnova Olga Vladimirovna, PhD Candidate in Philology, Associate Professor, Head, Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

smirnova.olga.msu@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1349-4241

Денисова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры цифровой журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Denisova Irina Nikolaevna, PhD Candidate in Philology, Associate Professor, Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

Irina_denisowa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9175-4048

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-16 «Конфликт и медиа: теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-16 “Conflict and Media: Theoretical, Historical, Socio-Cultural and Communicative Aspects”.

lyze how military events were covered in the media and the picture of the war that journalists created. However, the experience of Soviet war correspondents during the war has been scarcely studied. This article proposes a different approach to the analysis of the accumulated historical material, specifically: it examines the emotional and psychological state of journalists at war, the peculiarities of their work and daily life. The empirical basis of the research includes both the wartime diaries and the memoirs of Soviet journalists written in the postwar period. A broad array of material has been analyzed, allowing the structure of the study to focus on the war correspondent themselves. The study identifies a range of issues faced by war correspondents during the Great Patriotic War, such as professional problems of selecting information for publication, specific methods of gathering material, as well as ethical dilemmas, and the emotional overloads experienced by journalists. The most informative source for this research was the memoirs of the chief editor of the central military newspaper *Red Star*, D.I. Ortenberg. His focus was on the working conditions, impressions, and difficulties faced by journalists when selecting topics for publication and interpreting the events they encountered. To a certain extent, the portrayal of their own work in wartime is reflected in the correspondents' publications, although during military actions, many facts could not be written about due to censorship or ideological restrictions. This study also addresses the topic of "truthfulness" — the truth about the war, as understood by journalists, participants, and witnesses of the events. The research is relevant for analyzing the work of contemporary Russian war correspondents, despite historical differences. It highlights a range of professional, ethical, and psychological issues faced by journalists who carry out their duties in wartime conditions or conflict situations.

Keywords: war correspondent, Soviet journalist, Great Patriotic War, history of journalism, historical and chronological analysis, ethical and psychological issues of war correspondents.

* * *

Актуальность и методология исследования

Исследователями в области истории продолжают изучаться самые разные аспекты событий, связанных со Второй мировой и Великой отечественной войнами¹, и, видимо, проблематика подобных работ будет и дальше расширяться. Даже внутри такой, казалось

¹ См., например: *Сетов Р.А.* Причины Второй мировой войны: опыт постановки теоретических проблем // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 5. С. 73–96; *Иванов А.А.* Н.Е. Марков в годы Второй мировой войны: неизвестные страницы биографии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 2. С. 32–50; *Поправко Е.А.* Тыловое обеспечение крымской операции 1944 г. в документах 4-го украинского фронта, Отдельной приморской армии и мемуарах участников // Вестник московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 3. С. 94–109; *Хрулева И.Ю.* Советская военная миссия в США (июль 1941 — февраль 1942 г.): первые договоренности по ленд-лизу // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 6. С. 112–124; и др.

бы, изученной темы, как история советской журналистики периода Великой Отечественной войны, за пределами исследовательского внимания пока остаются важные ее грани. Представляется, что одна из таких актуальных проблем — это информационная работа и особенности деятельности журналистов во время крупнейших военных конфликтов XX в. Журналисты, работающие в условиях конфликтов различного типа, в первую очередь в военных конфликтах, подвергаются особым перегрузкам, а также сталкиваются с такими профессиональными вызовами, которых не бывает в мирных условиях. В исследованиях по истории отечественной журналистики традиционно было принято анализировать, как именно военные события освещаются в СМИ и какую картину войны создали военные журналисты. Мы имеем представление о том, как в военных условиях работала система советских СМИ (как гражданских, так и военных), изучаем творчество известных советских военных корреспондентов. В трудах по истории советских СМИ не рассматривалось, какие профессиональные, этические и иные проблемы в отборе информации возникали у военного корреспондента, как он эмоционально переживал фронтовую ситуацию. Стоит задача выстроить структуру и основные темы для такого исследования, в котором в центре внимания находится сам журналист, а не события, которые он освещает.

Эмпирическая база исследования состоит из нескольких видов источников. В современных исследованиях медиа все чаще встречаются труды, в которых изучаются конфликты и особенности их освещения, это динамично развивающееся направление². Анализ научных публикаций по теме «советский военный корреспондент» показывает, что появились отдельные работы, в которых анализируются различные стороны этой темы: история отдельных военкоров

² *Vartanova E.L., Dunas D.V. Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2023. Vol. 28. N 4. P. 724–733; Vartanova, E.L., Gladkova A.A., Dunas D.V. Media representations of social conflicts: Identifying theoretical foundations for typology // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2023. N 2. P. 26–45; Vartanova, E.L., Gladkova A.A. From digital divides to epistemic divides: The rise of new inequalities in the conflict media space // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2022. N 4. P. 5–22; Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. N 2. P. 73–89; Vartanova, E.L., Gladkova A.A., Dunas D.V. On representation of conflict in modern academic discourse // Online Media and Global Communication. 2023. Vol. 1. N 4. P. 794–814; Jamil S., Panagiotou N., Fragkonikolopolous Ch., Gladkova A. Media sustainability in the pandemic conflicting world: Reflections from diverse perspectives // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2022. N 2. P. 5–12.*

советского периодов³. Изучаются психологические качества современных российских военкоров⁴, особенности лексики⁵ и содержания журналистских материалов⁶. Эти публикации интересны, однако не совпадают с темой данного исследования. Кроме того, мы не можем провести опросы и интервью военных журналистов советской эпохи, поэтому опираемся в нашем исследовании только на сохранившиеся письменные источники.

За основу исследования были взяты воспоминания военных корреспондентов и редакторов Д. Ортенберга, Г. Буркова, К. Симонова, Б. Полевого, О. Берггольц, Н. Денисова, Б. Горбатова, В. Вишневского, В. Гроссмана и других. Лишь в личных воспоминаниях военкоров можно найти отдельные эпизоды, где описываются профессиональные проблемы и то, как журналист их решает. В ходе исследования применялся традиционный для исторических исследований журналистики метод проблемно-хронологического анализа, то есть поиск и отбор соответствующих данной теме материалов.

Впервые в таком исследовании сделана попытка разработать структуру исследования для анализа личного опыта военкоров на примере советских журналистов. Цензурные и идеологические отличия советской эпохи от современности применительно к военной ситуации и в такой постановке цели исследования не представляются особо значительными.

Опубликованные в советской печати военные корреспонденции, очерки и рассказы в силу цензурных и иных ограничений не могут ответить на вопросы о внутреннем мире журналистов, поэтому единственным доступным нам источником остаются воспоминания военкоров. Они, в свою очередь, оставляют впечатление недосказанности, фрагментарности. Воспоминания чаще всего писались не для того, чтобы фиксировать свои личные проблемы, а для того, чтобы сохранить те картины войны, которые не вошли в опубликованные в войну произведения.

³ Гужва Д.Г., Рахимова И.О. «С честью выдержали испытания...» Работа советских военных корреспондентов в первые месяцы великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2019. № 8. С. 42–46; Мащенко А.П. Крым в жизни и творчестве К. Симонова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.В. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 88–103.

⁴ Колобова С.В. Особенности саморегуляции военных корреспондентов // Вестник государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 18–33.

⁵ Колобова С.В., Малыгина Л.Е. Трансформация жанра устного рассказа военного корреспондента в современном медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. №2 (37). С. 50–59.

⁶ Мацквичюс Э.Г. Драматизация как контент-стратегия военного корреспондента при освещении темы СВО (на примере программы «Вести» телеканала «Россия 1») // Медиальманах. 2023. № 6. С. 77–83.

Особенности подготовки и работы журналистов в условиях военных конфликтов в советский период

Следует отметить, что существует принципиальная разница в статусе журналистов, освещавших военные действия в советский период, и современных репортеров. Во время Великой Отечественной войны журналисты военных отделов гражданских СМИ зачислялись в ряды Красной армии, получали офицерское звание, носили форму, могли иметь оружие, ситуативно могли принимать участие в боях. Они официально назывались военными корреспондентами. Всего несколько центральных СМИ имели военные отделы: это газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», ТАСС, Совинформбюро и Всесоюзный радиокомитет. Журналисты военных газет Красной Армии тоже зачислялись в ряды действующей армии (как правило, офицерами), носили форму, подчинялись уставу и имели личное оружие. Военная печать, т.е. печать Красной армии и флота, соответствовала размерам действующей армии: за годы войны насчитывалось 1433 газеты и журнала⁷.

Советские военные корреспонденты отчетливо понимали, что из себя представляет враг, идеологически готовились к грядущей войне. Про курсы военной подготовки корреспондентов при Военно-политической академии имени В.И. Ленина вспоминал Вадим Кожевников⁸: «...жили в лагерях. Сдали... экзамены по тактике, стрельбе из станкового и ручного пулеметов, личного оружия. Всем присвоили воинские звания». Эти курсы окончил и Константин Симонов, который писал, что он там многое узнал, но козырять так и не научился⁹.

Советские военкоры должны были учитывать следующие условия работы на фронте: во-первых, журналист идет не воевать, но он разделит с солдатами все тяготы и риски военной ситуации, включая риск погибнуть, получить ранение или попасть в плен; во-вторых, журналист должен обладать силой духа и понимать, насколько тяжелую долю он выбирает. Он увидит убитых людей, узнает в деталях о военных преступлениях, он разделит горе с теми, кто его переживает; в-третьих, журналист должен обладать военными знаниями для того, чтобы работать военным корреспондентом.

Некоторые советские военкоры имели опыт освещения военных конфликтов (Испания, Халкин-Гол и др.). Главный редактор военной

⁷ Минаева О.Д. История отечественной журналистики 1917–1945: учебное пособие. М., 2018. С. 222.

⁸ Ортенберг Д. И. Это останется навсегда. М., 1984. С. 110.

⁹ Там же. С. 54.

газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенберг начал свои воспоминания так: «В воскресенье 22 июня 1941 г. работники редакции явились на службу *без вызова*. Необычайный, удивительный это был сбор! Пришли все с чемоданчиками, полевыми сумками <...> готовы немедленно отправиться в поход»¹⁰. Всеволод Витальевич Вишневецкий записал в воспоминаниях, что ему «уезжать на фронт приходится не первый раз. Для меня эта война уже пятая по счету в жизни. Но никогда не видел я таких глубоких, серьезных проводов, как в эти дни»¹¹.

Военкор «Комсомольской правды» Александр Андреев добровольцем ушел на фронт в 1941 г., воевал сначала рядовым, потом командиром взвода, заместителем командира батальона. В штат «Комсомольской правды» попал в 1943 г. после второго ранения, в первой командировке на фронт в качестве журналиста должен был прыгать с парашютом вместе с десантом. Вспоминал: «...приземлился я довольно удачно... Когда мы собрались, нас было 18 человек, старшим по званию оказался я, и мне пришлось брать на себя командование»¹². Повезло, что у военкора уже был фронтовой опыт. Широко известна история майора Сергея Борзенко, единственного военного журналиста в нашей печати, получившего звание Героя Советского Союза. Он в составе Эльтигенского десанта высадился на керченский берег, написал и отправил корреспонденцию на другой берег в свою армейскую газету «Знамя Родины». Когда были убиты все старшие по званию офицеры, успешно командовал десантом, пока не переправилось подкрепление. С. Борзенко воевал до победы, дошел до Берлина, после войны был корреспондентом «Правды».

Этот пример показывает, что военный журналист в ситуации, когда он оказывается старшим по званию, обязан брать на себя командование подразделением. Это обязанность не журналиста, а офицера.

Многие военкоры отмечают, что их первые впечатления о войне не совпадают с их в чем-то романтическими представлениями о грядущих сражениях. К. Симонов, которому в 1941 г. было 26 лет, так описал свое состояние в первые дни Великой Отечественной войны: «я плакал ..., когда видел, как горели те первые шесть самолетов»¹³, «у меня еще было наивное штатское представление, что к каждому привезенному раненому должны сразу выскочить все врачи и се-

¹⁰ Ортенберг Д. И. Это останется навсегда. С. 188.

¹¹ Венки славы: антология художественных произведений о Великой Отечественной войне: в 12 т. / Ред. Н.В. Свиридов. Т. 1. М., 1983. С. 161.

¹² Бурков Б.С. «Комсомолка» в шинели. М., 1975. С. 139.

¹³ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. М., 2016. С. 50.

стры. Меня удивило, с каким спокойствием в ту ночь принимали у меня раненых»¹⁴, «у выезда из города (Борисов, Белоруссия) я увидел первых мертвых. Они лежали на носилках и без носилок»¹⁵. Симонов, как и другие советские военкоры, скупно писал о своих эмоциях, возможно считая, что они были неважны на фоне тех трагических событий, которые разворачивались на их глазах.

А. Сурков написал: «Эта война, по моему глубокому убеждению, застала очень многих из нас как бы врасплох. Люди существовали последние годы перед войной в таком убеждении, что все на войне пойдет по расписанию, что война будет построена по принципу: коротким, но сильным ударом поразить противника, отбросить и опрокинуть его, драгаться на чужой территории. Война же на деле пошла по-другому»¹⁶. И Симонов, и Сурков писали о «парадном», сформированном и советской пропагандой, и художественными фильмами, и литературой образе войны, когда форма не мнется, люди не умирают и за первыми же атаками и артобстрелами наступает победа.

Советские военкоры практически не упоминали о тех опасностях, которые им грозили — от бомбежек и снайперов до возможного плена. Лишь одно упоминание есть у К. Симонова, показывающее, что он хорошо понимал: журналист со всеми имеющимися у него документами — отличный источник информации для врага. Симонов вспоминал, как под Могилевом, в окружении «стало не по себе от того, что какие-то вещи, лежавшие у меня в карманах, могут попасть в руки немцев. Я в темноте положил на колени взятую в штабе корпуса карту, на которой были пометки расположения войск, и на ощупь куском резинки постирал все, что там было. Потом вытащил из кармана гимнастерки <...> письмо и изорвал его на кусочки»¹⁷.

В воспоминаниях о фронтовой газете «Красноармейская правда» есть такие детали: «Лагерь редакции, окруженный окопами и щелями, напоминал ротный опорный пункт... Газетчики, наборщики, печатники, шоферы составляли отделения, которые по тревоге занимали свои места в окопах. Бригады корреспондентов, уезжавшие на полуторке в районы боев, всегда были в касках, с винтовками, гранатами и противогазами. Был у нас на вооружении и ручной пулемет», «обстановка на фронте часто менялась, корреспонденты не

¹⁴ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Дементьев А.Г., Поляк Л.М., Тимофеев Л.И. История русской советской литературы. Т. 3. М., 1967. С. 451.

¹⁷ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С.145.

раз попадали в окружение»¹⁸. Вот что написал о журналистах бригадной газеты «В бой за Родину» генерал Е. Жидилов: «Нашим газетчикам не раз приходилось отбивать вражеские атаки. Вот почему они никогда не расставались с автоматами ППШ и гранатами. ... В свободные часы изучали оружие. Все были отличными стрелками»¹⁹. 30 июля 1941 г. в репортаже «Журналисты-бойцы» в «Литературной газете» С. Швейдель рассказывал, как журналисты военной газеты сбили фашистский самолет.

Часто журналисты центральных газет привозили с фронта оружие в редакции. Б.С. Бурков, главный редактор «Комсомольской правды» в годы войны, подробно описал такую проблему: «В комнате, где ночевали военные корреспонденты, на кожаном кресле лежала большая мина. Она, конечно, была обезврежена, журналист Чернышев заверил в этом. Он сказал, что поспит и увезет мину обратно на фронт. А пока положит ее себе под подушку»; «некоторые военные корреспонденты для “показа” стали привозить в редакцию и другое оружие»²⁰. Распоряжение по редакции «Комсомольской правды» от 23 января 1942 г. гласило: «Категорически запрещается держать в редакции всякого рода взрывчатые вещества и боеприпасы», «обеспечить немедленную сдачу взрывчатых веществ и боеприпасов в соответствующие органы»²¹.

Борис Полевой вспоминал, как ему показали его комнату в редакции «Правды»: «Тут вообще-то гнездится Миша Сиволобов (спецкор «Правды»), но он сейчас у партизан. Устраивайся, только осторожней, он где-то тут гранаты прячет. И провожающий меня человек извлек из-под постели тройку трофейных гранат-“самоварчиков” и положил их рядом с чернильницей...»²².

Симонов несколько раз в воспоминаниях обращается к теме оружия. «Пока мы ехали, стало уже совсем темно. Я вынул наган и положил на колени. Когда по дороге проверяли документы или просто спрашивали, кто едет, остановив машину, я левой рукой показывал документы, а правой держал наган. Потом у меня это вошло в привычку»²³. Симонов узнал, что накануне был убит редакционный водитель и смертельно ранен заместитель редактора его военной газеты: их остановили на дороге якобы для проверки документов и застрелили. Симонов делает вывод: «оказывается, были не только

¹⁸ Журналисты на войне / Сост. Н.Г. Кузьмин М., 1966. С. 65.

¹⁹ Там же. С. 79.

²⁰ Бурков Б.С. Указ. соч. С. 73.

²¹ Там же. С. 74.

²² Журналисты на войне. С. 37.

²³ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 36.

слухи о диверсантах, но и сами диверсанты, и держать наизготовку наган при проверке документов было не так уж смешно»²⁴. Симонов описал и такой эпизод: журналисты ехали в машине в командировку, сзади двое фотокорреспондентов «сводили свои фотографические счеты» — спорили. И вдруг раздалась пулеметная очередь — один из них нечаянно прострелил крышу машины, хорошо, что ни в кого не попал²⁵. Все эти воспоминания Симонова относятся к событиям 1941 г., когда только нарабатывался военный опыт, и тема оружия была новой для журналистов. Сын Героя Советского Союза Сергея Борзенко военкор Борзенко вспоминал, что «у отца сначала был наган, потом он поменял его на ТТ, а вообще у него штатное оружие было ППШ, он до Берлина с ППШ дошел»²⁶.

Особое отношение военкоров к оружию можно проследить и в некоторых других эпизодах из воспоминаний. Это объясняется в первую очередь тем, что советские военкоры, будучи офицерами, ощущали себя участниками военных событий и по обязанностям, и по собственному выбору. А автомат в руках мог спасти жизнь и журналисту, и тем, кто был рядом с ним. Поэтому проблема выбора «брать оружие в руки или нет», судя по изученным нами источникам, перед советскими журналистами не стояла.

Журналист в условиях военного конфликта: миссия, профессиональные задачи, этические проблемы

Кроме раскрытия важных для пропаганды в армии и в тылу тем, советские военные корреспонденты создавали реальный образ войны, которая поражала современников масштабом сражений и огромным количеством вовлеченных в нее людей. Какие задачи стояли перед советскими военкорами?

В первую очередь, это осмысление и отображение (часто — художественное) чувств и мыслей воюющего народа.

Во-вторых, это необходимость зафиксировать множество реальных фактов, записать рассказы непосредственных участников событий,

В-третьих, зафиксировать собственные впечатления очевидцев. У военных журналистов, а это в большинстве своем члены Союза писателей, тема войны осталась лейтмотивом всего творчества.

²⁴ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 66.

²⁵ Там же. С. 561.

²⁶ Борзенко А.С. Интервью в эфире. Служба новостей ForPost. — URL: <https://sevastopol.su/news/voenkor-aleksey-borzenko-5-pravil-zhurnalista-na-voyne> (дата обращения 07.03.2024).

Ну и наконец, нужно было ответить на вопрос, как могли немцы совершать такие массовые злодеяния. То есть создать образ врага и сделать первые шаги в осмыслении этого образа садистов и убийц.

Журналист иногда попадает в боевые условия, но он не участник боев, это не его задача. Ортенберг вспоминал, что Симонов говорил ему «о тех нравственных, чисто психологических переживаниях <...> Как быть: уехать в разгар тяжелых боев, чтобы передать корреспонденцию, или остаться на передовой?»²⁷. Это переживания человека, который разрывается между профессиональным долгом и долгом военным. Военкор также должен осознавать, что он сам является очевидцем событий, поэтому свои впечатления тоже должен сохранить. Симонов хорошо понимал, что «события эти были необъятно огромны, а круг моих личных наблюдений весьма ограничен, и я достаточно это понимаю, чтобы не претендовать на их полноту»²⁸.

Советским военкорам было запрещено на фронте вести дневники. Однако есть обширные, со множеством подробностей военные дневники Симонова, Гроссмана, Вишневого и других, написанные в тылу. «Наша задача: сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения — участников, — писал В. Вишневский. — Ведь через год, через десять лет — с дистанции времен все будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения, оценка»²⁹.

После очередной командировки на фронт свои воспоминания, по фронтовым и корреспондентским блокнотам, Симонов диктовал редакционной машинистке. А потом хранил написанное в сейфе главного редактора тогдашней «Красной звезды» генерала Ортенберга. «Так что запрета вести дневники, наложенного военным руководством, Симонов не нарушал. Разве что чуть-чуть»³⁰, — написано в предисловии к его воспоминаниям.

Какие *профессиональные* задачи стояли перед военкорами?

Оперативность — в первую очередь. Сводки Совинформбюро в первые недели войны (иногда и позже), как правило, отставали от молниеносно развертывающихся событий³¹. Симонов привел пример, когда в газете под корреспонденциями стояла подпись «Действующая армия, 18 июля», хотя события относились к 13 июля 1941 г. Почему? В редакцию материалы поступали скупо, достава-

²⁷ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 65.

²⁸ Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 5.

²⁹ Деметьев А.Г. Поляк Л.М., Тимофеев Л.И. Указ соч. С. 457.

³⁰ Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 6.

³¹ Там же. С. 56.

лись с великим трудом, порой с риском для жизни, смещение дат не играло особой роли.

Симонов так описал жизнь военного корреспондента: «С Халкин-Гола я вернулся, уже начав понимать, каким должен быть военный журналист. “Героическая красноармейская” (военная газета) была для меня прежде всего школой газетного темпа. Я усвоил простую истину: нечего засиживаться, застревать в редакции, нужно ехать на передовую, видеть своими глазами бой и людей в бою, быстро писать, быстро доставлять материалы в редакцию, быстро уезжать снова на фронт»³². Симонов записал: «Фронт был так близко, что... в любые пятнадцать минут за любым из нас могли прислать машину, и он... мог уже через два часа оказаться на фронте. Кстати, и полушубки, и валенки, и оружие... — все это... постоянно находилось под рукой в редакционных “эмках”»³³.

Почему военкорам 1941–1945 гг. нужно было «быстро уезжать и быстро возвращаться в редакцию»? Транспортные проблемы и проблемы связи с редакцией — о них упоминается во многих воспоминаниях, об этой проблеме пишет Ортенберг. Он вспоминал такой типичный эпизод войны: «1942 г. Штаб фронта почти две недели находится в движении, связь с Москвой поддерживается только по радио, а с армиями она временами вообще отсутствует. Многие корреспонденции давно написаны, но отправить их в редакцию нет никакой возможности»³⁴. Военкоры решали, что быстрее: ждать очереди на пункте военной связи, чтобы передать корреспонденцию, или ехать в Москву в редакцию. Ездили на попутных военных машинах, летали на военных самолетах.

Грибачев так описал работу советских военкоров: «Я хорошо знаю американских журналистов — это бойкие, пробивные хлопцы<...> Но по профессиональной сущности своей они информаторы, изображали события с их внешней стороны <...> Драгоценнейшее качество нашей журналистики, придающее ей беспрецедентную убедительность и действенность, — это умение видеть и понимать событие всесторонне, в том числе как бы изнутри, органически слить свой голос с голосом народа и века»³⁵. Возможно, это достигалось тем, что журналисты не просто смотрели, а сами участвовали в войне, подвергались всем опасностям войны. В своих воспоминаниях генерал армии Батов написал: запомнились «неустрасимые фотокорреспонденты. Им приходилось буквально лезть в самый

³² Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 52.

³³ Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 353.

³⁴ Ортенберг Д. И. Это останется навсегда. С.223.

³⁵ Журналисты на войне. С. 28.

огонь. Пренебрегая опасностью, ходили они в атаки с автоматом и фотоаппаратом. Так работали в нашей армии Семен Альперин, погибший уже после войны, Наташа Боде, Галина Санько, Евгений Подшивалов...»³⁶. Запись в дневнике Ольги Берггольц: «Без четверти девять, скоро прилетят немцы. О, как ужасно, боже мой, как ужасно. Я не могу даже на четвертый день бомбардировок отделаться от сосущего, физического чувства страха. Сердце как резиновое, его тянет книзу, ноги дрожат, и руки леденеют. Очень страшно, и вдобавок какое это унизительное ощущение — этот физический *страх*»³⁷. Евгений Воробьев, корреспондент «Красной звезды», вспоминал: «Фронт отучил меня от штатской беспомощности, я учился скрывать страх, каких бы переживаний, волнений и страданий это мне не стоило. Чтобы не задрожали руки, не пересохло в горле так, что и сплюнуть не можешь. Людей, которым все нипочем, в природе не бывает»³⁸.

Симонов в разговоре с Д. Ортенбергом вспоминал, что фотокорреспондент Яков Халип на Курской дуге «днем рисковал намного больше меня, стараясь снять побольше (танков), подбитых и сожженных на переднем крае»³⁹. В другом месте К. Симонов пишет, что ему «самой страшной казалась одинокая смерть пехотинца на поле боя»⁴⁰. Д. Ортенберг также пересказал еще один рассказ К. Симонова про Я. Халипа, с которым часто ездил вместе в командировки на фронт: «Румыны снова начали бить из минометов <...> Минометчики сидели в окопах, а снимать их приходилось сверху, стоя в чистом поле. Однако делать было нечего, и Яша, ворча, стал снимать их, переходя с места на место. — Я не могу (снимать), у меня руки дрожат, — сказал Халип. Но и после этого признания продолжал отвратительно долго и тщательно, с разных позиций <...> снимать минометчиков, несмотря на свои дрожащие руки». Глядя на эту сцену, командир, который был с журналистами, сказал: «вот ведь как боится, а все-таки снимает. Так и все мы. В этом все дело на войне. А больше ничего особенного на войне и нет»⁴¹.

Эмоциональное состояние журналистов в годы войны понять сложно, лишь немногие из них касаются этого вопроса в своих воспоминаниях. К. Симонов писал: «Казарменное положение стало тогда не только необходимостью, но и привычкой жить и спать,

³⁶ Журналисты на войне. С. 22.

³⁷ Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград. М., 2019. С. 36.

³⁸ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 123.

³⁹ Там же. С. 305.

⁴⁰ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 322.

⁴¹ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 300.

пить и есть там же, где ты работал. И все старались держаться потеснее друг к другу; одиночество было противопоказано всем <...>, создавалось ощущение какой-то скоротечности жизни, некоторой рискованности и нежелания ничего откладывать до завтрашнего дня»⁴². Б. Бурков, редактор «Комсомольской правды», вспоминал: «Все мы ночевали в редакции. Ватные телогрейки и меховые жилеты спасали в эти дни многих. Часто в этом приходилось и спать — отопления не было»⁴³. Отчасти этот военный быт сложился потому, что журналистам было сложно добираться каждый день до работы из дома — общественный транспорт ходил плохо во всех городах, где были бомбежки. Отчасти потому, что переживать войну было легче всем вместе.

Какие выводы можно сделать из этих суждений? Перед военным корреспондентом стоит одновременно несколько задач. Он находится на переднем крае *рядом* с солдатами, но участвует в боях только в крайнем случае. Должен ли журналист брать в руки оружие, если опасность угрожает лично ему или тем, кто рядом с ним? Для участников Великой Отечественной войны ответ был ясен: должен, обязан по своему статусу офицера Красной армии и журналиста.

В чем для военного журналиста состоит его миссия, если не только в фиксации множества событий, которым он свидетель?

«Я буду сидеть и писать очерк, надо, чтобы *был близок к настоящему*», — записала О. Берггольц в своем дневнике⁴⁴. И для нее задача не в том, чтобы еще раз напомнить жителям Ленинграда то, что они видят вокруг себя и переживают сами каждый день. А в том, чтобы помочь людям найти ресурсы, силы продолжать бороться, воззвать к их человечности, патриотизму.

И. Эренбург, имея опыт освещения нескольких войн, попытался сформулировать *неинформационные* задачи журналиста на войне. В своем выступлении на совещании Союза писателей в 1943 г. по поводу публикаций о войне он сказал: «Война без ненависти безнравственна, как сожительство без любви. Война — преступление, накал ненависти и самозабвенной любви. Как прежде, долг писателя — раздуть огонь негодования, тревоги, жертвенности <...> Писатель наедине со своей совестью. Он воюет, как одинокий партизан. Он может погибнуть. Он не может пересидеть войну. Он не может откупиться рассказом, “откликом”, строками на “случай”»⁴⁵. То есть

⁴² Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 353.

⁴³ Бурков Б.С. Указ. соч. С. 55.

⁴⁴ Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград. С. 42.

⁴⁵ Эренбург И.Г. Писатель на войне // Литература и искусство. 1943. №14. С.2.

И. Эренбург хотел сказать, что, рассказывая о войне, журналист пытается понять мотивацию людей, понять то, что толкает и на великие подвиги, и на низость. Это редкая ситуация экстремальных условий и высоких проявлений человеческого духа. И духовный порыв народа должен разделить журналист.

Вот как об этом написал Б. Горбатов в статье «Фронтовому журналисту»: «Чего ждет от нас, журналистов, народ? Правды. Только правды. Нас, военных корреспондентов, судьба поставила свидетелями и участниками великой битвы. Мы многое видим. Мы многое знаем... И у нас сердце при виде немецких зверств обливается кровью, и благородная ненависть неугасимо горит в душе. <...> Я много видел людского горя. И когда я сижу и пишу об этом, я сам чувствую: жалки мои слова... мой язык беден и талант мал, и мое искусство немощно. <...> Пусть душа журналиста, переполненная ненавистью к врагу, подскажет нам огненные слова, слова-бичи, слова-снаряды. Чтоб били они по врагу, чтоб сжигали, испепеляли врага, чтоб как набат гремели они. Нельзя, невозможно успокаиваться»⁴⁶.

В воспоминаниях К. Симонова о событиях конца 1941 г., когда Красная армия начала отбивать свои города и села, есть такие факты: «В плен наши бойцы брали неохотно, <...> войска шли через сожженные деревни с виселицами. Те немцы, которых все же брали в плен, имели жалкий вид и лично во мне не вызывали чувства ненависти, но они воспринимались в сочетании <...> с этими пепелищами, которые они оставили. И все это, вместе взятое, вызывало жгучую ненависть у всех нас»⁴⁷.

Про стихотворение К. Симонова «Убей его!» Д. Ортенберг написал так: «...танкист говорит: “Я бы присвоил этому стихотворению звание Героя Советского Союза, оно убило гитлеровцев больше, чем самый прославленный снайпер”...»⁴⁸. Трудно представить, какие преступления оккупантов видел журналист, чтобы написать такое стихотворение.

Б. Горбатов в статье «Фронтовому журналисту» написал: «Мы много, хотя и недостаточно, пишем о немецких зверствах... Только немцы умеют мирные слова наполнить ужасом, только немцы умеют все превратить в застенок... Давайте... рассказывать ярче, талантливее и беспощаднее правду о немцах, о зверях, которых во имя гуманности надо уничтожить»⁴⁹.

⁴⁶ Горбатов Б.Л. Фронтовому журналисту // Литература и искусство. 1943. № 19. С. 1.

⁴⁷ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 530.

⁴⁸ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 74.

⁴⁹ Горбатов Б.Л. Указ. соч. С. 1.

О. Берггольц скупно писала о страданиях, которые она видела и сама пережила. Но вот убийственная картина из ее дневника: «А дети — дети в булочных... Это такое осуждение людям, их культуре, их жизни, такой приговор нам всем — безжалостнее которого не может быть. Все — ложь, — есть только эта девочка с застывшей в условной позе мольбы истощенной лапкой»⁵⁰. О. Берггольц сформулировала тот вывод, к которому, наверное, приходят все военкоры: «приговор» человечеству, которое спокойно относится к чужим войнам, и людям, которые превращаются в зверей, и единственный способ остановить их — убить! Симонов в первые месяцы отступления в 1941 г. написал: «увидели двух женщин, державших на руках ребятешек. Детишки махали руками вслед машинам... Конечно, детей научили махать руками при виде едущих на машинах военных, а все-таки было в этом что-то такое, отчего хотелось зареветь»⁵¹.

О времени отступления писал в воспоминаниях Н. Грибачев: «Чем измерить муку журналиста, когда ему приходится писать в пору поражений и отступлений? ... ведь журналисты тоже люди, а не всевидящие пророки, ведь и по их сердцам отпечатывалась пыльная, в воронках и подпалинах, с трупами по обочинам дорога от Буга до Волги, ведь и в их глаза глядели застланные слезами глаза вдов и детей, которых завтра ожидали неволя и унижение, угоны на чужбину и расстрелы»⁵².

К. Симонов в воспоминаниях приводит ситуацию, которая вызвала конфликт с Яковом Халипом. Халип стал снимать беженцев, а Симонов вырвал у него фотоаппарат и затолкал его в машину. «И орал на меня, что разве можно снимать такое горе?», — сказал Халип. Симонов пишет, что они оба были по-своему правы. «Фотокорреспондент мог запечатлеть это горе, только сняв его, и он был прав. А я не мог видеть, как стоит на обочине дороги вылезший из военной машины военный человек и снимает этот страшный исход беженцев, снимает старика, волокущего на себе телегу с детьми. Мне показалось стыдным, безнравственным, невозможным снимать все это. <...> И я тоже был по-своему прав»⁵³.

Симонов вспоминал Минское шоссе, по которому в начале войны бесконечно шли беженцы. И они, и жители деревень спрашивали, уезжать ли им, не пустят ли немцев. И Симонов пишет: было «легче умереть, чем ответить на этот вопрос». Он не мог вспоминать об этом раньше — «было слишком тяжело», но после, когда «армия

⁵⁰ Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград. С. 101–102.

⁵¹ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 89.

⁵² Журналисты на войне. С. 26.

⁵³ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 252.

научилась побеждать», написал об этом⁵⁴. Ортенберг написал о Симонове: «должно быть мужество... смело изображать правду жизни, а на войне — правду смерти»⁵⁵. Война изобилует смертельными ситуациями, нужно ли писать о смерти? Не деморализует ли это армию и всю страну? И как журналисты выдерживают постоянный стресс от картины смерти и мучений людей?

Симонов писал, что когда прошло много лет, «как часто мы злимся на фотокорреспондентов и фронтовых кинооператоров за то, что они почти не снимали... в тот год (1941) страшный быт войны, картины отступлений, убитых бомбами женщин и детей, лежавших на дорогах, эвакуацию, беженцев <...>, нужно очень осторожно оценивать свои тогдашние мысли и поступки, не упрощая того сложного переплета чувств, который был у нас в душе»⁵⁶.

Ольгу Берггольц, которая весь период блокады пробыла в Ленинграде и работала в Радиокомитете, можно смело считать военным журналистом. Она записала в дневнике вот что: «Нет, *мы никого не обманывали*, мы просто говорили *самую важную правду, самое для всех главное*: что держимся и будем держаться. Разговаривая между собой в городе, мы разрешали себе больше»⁵⁷. Берггольц затронула очень важный вопрос: что писать о войне? Какую правду? Не всю правду, а такую правду, которая не будет неправдой, но и не сломит народ, который воюет. Но все же именно в период войны возникает вопрос о балансе правды и умолчания. Были и прямые запреты военной цензуры, хотя о них очень мало упоминается в воспоминаниях.

Ортенберг вспоминал, как нелегко было Симонову написать о тех горестных словах героя очерка: «Смотрите, куда докатил он нас, — далеко он нас докатил». Нелегко было и мне, редактору, их напечатать. Но в кризисные дни войны надо было открыто дать почувствовать нашим людям ту смертельную опасность, которая вновь нависла над нашей Родиной»⁵⁸. Не писать было нельзя, но эта тема не должна была деморализовать армию и население. Симонов объясняет, что в корреспонденциях с фронта не было попыток изобразить общий ход событий, а рассказы о боях не были связаны с конкретными географическими пунктами. Наоборот, при публикации в целях сохранения военной тайны изымалось всё, что хоть ненароком могло бы дать представление о том, где что происходило⁵⁹.

⁵⁴ Там же. С. 571–572.

⁵⁵ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 72.

⁵⁶ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 252–253.

⁵⁷ Берггольц О.Ф. Говорит Ленинград. С. 135.

⁵⁸ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 73.

⁵⁹ Там же. С. 171.

Ортенберг неоднократно в своих воспоминаниях, подробно описывая работу военкоров «Красной звезды», подчеркивал: они писали о том, что видели, пережили сами. Это серьезный аргумент в споре о том, была ли «правдива» военная публицистика.

Л. Кудреватых, военный корреспондент «Известий», вспоминал, что «с первого и до последнего дня войны я придерживался неизменного правила: писать только о том, что видел своими глазами или слышал от участников боев. Мы, газетчики, не дублировали штабные сводки и документы, а стремились видеть события своими глазами, быть их участниками, в меру сил и умения передавать дыхание войны»⁶⁰.

Требование редакции «Красной звезды» — видеть как можно больше своими глазами — было требованием верным и с точки зрения журналистской нравственности, и самого качества материала, писал в воспоминаниях Ортенберг. Он подчеркивал, что публикации «дышали порохом»⁶¹. Особенно хочется отметить, что Ортенберг говорит о нравственном долге и честности журналиста, хотя, казалось бы, генерал и профессиональный пропагандист мог выделить совсем другие важные задачи журналистов.

Ортенберг писал: «Одной из сильнейших сторон нашей военной журналистики была психологическая правда о человеке и сражении... Как правило, фронтовые журналисты обладали высокой добросовестностью... Чтобы правдиво рассказать о чувствах солдата, о его психологическом состоянии, Никита Шумило взял в руки винтовку со штыком и в передовой пехотной цепи пошел в атаку»⁶².

Вот что Ортенберг вспоминал о Симонове: «Мы знали, что он всегда проберется в гущу боя, не остановится перед любыми трудностями и опасностями и свое дело сделает»⁶³. Он перечислил, что Симонов испытал только в одной из поездок: «и прицельный огонь по тебе, и ощущение человека, идущего в атаку, и ощущение человека, которого поднимают, когда он залег, и ощущения человека, который уже сам после этого поднимает других. Все это потом помогло и беседовать с людьми, и давать более достоверно в очерках какие-то черточки психологии солдат и офицеров, оказавшихся в сложных боевых обстоятельствах. Крайне важная сторона работы спецкора — знать хотя бы в какой-то мере по собственному опыту

⁶⁰ Журналисты на войне. С. 48.

⁶¹ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 77.

⁶² Журналисты на войне. С. 27.

⁶³ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 57.

то, о чем расспрашиваешь других»⁶⁴. Симонов «ходил в атаку с ротой бойцов, подымал под огнем необстрелянных красноармейцев». Он «искал возможности совершить подвиг», считал, что «газета должна дышать боем»⁶⁵.

Есть и такое свидетельство ветерана войны, профессора Б.И. Есина: стихотворение Симонова «обращает на себя внимание правдивым отображением военных событий», «стихи, честно отражавшие будни войны, трагизм реалий войны»⁶⁶. Есть несколько свидетельств Симонова о том, как работали фотокорреспонденты, мужеством которых он восхищался. Например, в начале июля 1941 г. сообщений о подбитых танках немцев было много, а фотографий не было. Поехали снимать: «их было семь, и они стояли очень близко один от другого. Сначала все низко пригибались, и когда подошли к танкам, то Трошкин их тоже сначала снимал, сидя на корточках. Но потом он <...>, заставив красноармейцев залезть на танк, снимал их на танке, рядом с танком, с флагом и без флага, вообще окончательно обнаглел. Немцы не стреляли...У меня было мстительное чувство. Я был рад видеть наконец эти разбитые, развороченные немецкие машины <...>. Часть содержимого машин была разбросана кругом по полю. В числе прочего барахла во ржи валялась целая штука коричневого сукна. А рядом с нею дамские туфли-лакирашки и белье. Трошкин снял и это, я потом описал. Кажется, это был один из первых документов о мародерстве немцев»⁶⁷. Фотокорреспондент Павел Трошкин погиб на войне.

Ортенберг писал, что в очерках или в комплектах газет «можно найти золотые россыпи фронтового фольклора, крылатые слова, которые обрели долговечную жизнь пословиц, солдатскую мудрость в ее образном выражении. Весь этот солдатский “словарь” нельзя ни придумать, ни где-нибудь вычитать, его можно было только подслушать в окопах и блиндажах, на огневых позициях»⁶⁸. Это еще одно доказательство, что военкоры писали о том, что им рассказали в окопах, а не в штабах. Интересный пример привел К. Симонов в воспоминаниях: «Вскоре после того, как в “Красной звезде” появился мой очерк “Все на защиту Одессы”, в котором я рассказывал, как одесситы своими руками ремонтируют танки, а “Известия” напечатали кор-

⁶⁴ Там же. С. 60.

⁶⁵ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 59–60.

⁶⁶ Есин Б.И. К столетию Константина Симонова, поэта и военкора // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 4. С. 120.

⁶⁷ Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год. С. 127.

⁶⁸ Ортенберг Д.И. Это останется навсегда. С. 140.

респонденцию о том, что в Одессе производят минометы и гранаты, немцы усиленно бомбили различные городские предприятия. <...> Я не нес моральной ответственности за эту статью хотя бы потому, что на завод, где ремонтировали танки, меня направил член Военного совета именно для того, чтобы я написал об этом корреспонденцию». Вскоре Симонов узнал, что «в политотделе армии были сердиты и на меня, и на корреспондента “Известий” Виленского <...> Было тяжело на душе оттого, что пусть несправедливо, но все-таки впервые за войну какие-то люди, оказывается, проклинают твою работу»⁶⁹. В данном случае, конечно, это была ошибка сотрудников политотдела армии, которые дали такое задание. Однако Симонов тяжело переживал этот случай.

Симонов думал о «правде» военной журналистики и после войны. В воспоминаниях он спорит с публикацией Е. Вучетича, упрекавшего руководство страны и армии в отступлениях, в большом количестве погибших, в том, что об этом не писали газеты. Симонов пишет: «Конечно, правда, что в начальный период войны были случаи нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники, на что сейчас усиленно напирают некоторые недалекие литераторы в своих произведениях. Это правда, но только *правда событий, факта, а не правда жизни* и борьбы народа в один из самых критических периодов в его многовековой истории»⁷⁰. Симонов называет это противопоставлением «правды видимости правды», а «правду факта правде явления». Истинная правда, по мнению Симонова, в том, что, если брать войну в целом, состоит не только в том, что мы отошли до берегов Волги, но и в том, что мы дошли затем до Берлина.

Подводя итоги этому исследованию доступных нам воспоминаний советских военкоров, нужно отметить, что на сложный вопрос о том, какую миссию выполняет военный журналист и какими качествами он должен обладать, есть разные варианты ответов. Это ответы военных журналистов советской эпохи, которые писали свои воспоминания уже после окончания Великой Отечественной войны, попытавшись осмыслить все события, которым они были свидетелями. Собранные материалы позволяют не только представить многогранный и сложный образ военного журналиста, но и начать разговор о миссии журналиста, о его понимании долга и патриотизма, о том, что из себя представляет «правда о войне» для очевидцев и участников этой войны.

⁶⁹ Симонов К.М. Разные лица войны. Дневники. Стихи. Проза. С. 11.

⁷⁰ Там же. С. 449.

References

Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V. Semantic Shift in Conflict Terminology in Contemporary Russian Socio-Cultural Media Discourse // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. N 2. P. 73–89.

Burkov B.S. “Komsomolka” v shineli [“Komsomolka” in a Greatcoat]. Moscow: Pravda, 1975. 240 p.

Dement'ev A.G., Polyak L.M., Timofeyev L.I. *Istoriya russkoy sovetskoy literatury* [History of Russian Soviet Literature]. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1967. 861 p.

Guzhva D.G., Rakhimova I.O. “S chest'yu vyderzhali ispytaniya...” *Rabota sovetskikh voennykh korrespondentov v pervye mesyatsy Velikoy Otechestvennoy voyny* [“With Honour, Endured the Trials...” The Work of Soviet War Correspondents in the First Months of the Great Patriotic War] // *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 2019. N 8. P. 42–46.

Ivanov A.A. *N.E. Markov v gody Vtoroy mirovoy voyny: neizvestnye stranitsy biografii* [N.E. Markov during the Second World War: Unknown Pages of Biography] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2024. Vol. 65. N 2. P. 32–50.

Jamil S., Panagiotou N., Fragkonikolopolous Ch., Gladkova A. Media Sustainability in the Pandemic Conflicting World: Reflections from Diverse Perspectives // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. N 2. P. 5–12.

Khruleva I.Yu. *Sovetskaya voennaya missiya v SShA (iyul' 1941 — fevral' 1942 g.): pervye dogovory po lend-lease* [The Soviet Military Mission in the USA (July 1941 — February 1942): Early Lend-Lease Agreements] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2021. N 6. P. 112–124.

Kolobova S.V. *Osobennosti samoregulatsii voennykh korrespondentov* [Features of Self-Regulation of War Correspondents] // *Vestnik gosudarstvennogo universiteta prosevsheniya*. Series “*Psikhologicheskie nauki*”. 2024. N 1. P. 18–33.

Kolobova S.V., Malygina L.E. *Transformatsiya zhanra usnogo rasskaza voennogo korrespondenta v sovremennom mediadiskurse* [Transformation of the Genre of Oral Storytelling by War Correspondents in Contemporary Media Discourse] // *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2024. N 2 (37). P. 50–59.

Mashchenko A.P. *Krym v zhizni i tvorchestve K. Simonova* [Crimea in the Life and Works of K. Simonov] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.V. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki*. 2023. Vol. 9 (75). N 3. P. 88–103.

Matsk'yavichus E.G. *Dramatizatsiya kak kontent-strategiya voennogo korrespondenta pri osveshchenii temy SVO (na primere programmy “Vesti” telekanala “Rossiya 1”)* [Dramatization as a Content Strategy of War Correspondents in Covering the Special Military Operation (A Case of the “Vesti” Program on Russia 1 Channel)] // *Medial'manakh*. 2023. N 6. P. 77–83.

Minaeva O.D. *Istoriya otechestvennoy zhurnalistiki 1917–1945: uchebnoe posobiye* [History of Domestic Journalism 1917–1945: A Textbook]. Moscow: Aspekt Press, 2018. 256 p.

Popravko E.A. *Tylovoye obespecheniye krymskoy operatsii 1944 g. v dokumentakh 4-go Ukrainskogo fronta, ot del'noy primorskoy armii i memuarakh uchastnikov* [Rear Support of the Crimean Operation of 1944 in Documents of the 4th Ukrainian Front, Separate Coastal Army, and Memoirs of Participants] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2024. Vol. 65. N 3. P. 94–109.

Setov R.A. *Prichiny Vtoroy mirovoy voyny: opyt postanovki teoreticheskikh problem* [The Causes of World War II: The Experience of Theoretical Problem Setting] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2021. N 5. P. 73–96.

Vartanova E.L., Dunas D.V. Media Conflictology as a Field of Research: Working out Theoretical Approaches // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2023. Vol. 28. N 4. P. 724–733.

Vartanova E.L., Gladkova A.A. From Digital Divides to Epistemic Divides: The Rise of New Inequalities in the Conflict Media Space // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. N 4. P. 5–22.

Vartanova E.L., Gladkova A.A., Dunas D.V. Media Representations of Social Conflicts: Identifying Theoretical Foundations for Typology // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2023. N 2. P. 26–45.

Vartanova E.L., Gladkova A.A., Dunas D.V. On Representation of Conflict in Modern Academic Discourse // *Online Media and Global Communication*. 2023. Vol. 1. N 4. P. 794–814.

Yesin B.I. *K stoletiyu Konstantina Simonova, poeta i voenkora* [On the Centenary of Konstantin Simonov, Poet and War Correspondent] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 10. *Zhurnalistika*. 2015. N 4. P. 117–121.

Zhurnalisty na voyne [Journalists at War] / Comp. by N.G. Kuz'min. Moscow: Voenizdat, 1966. 424 p.

Поступила в редакцию
12 ноября 2024 г.